

УДК 821.161.1-32

**ПЬЕСА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «КОРОЛЬ, ЗАКОН И СВОБОДА»
КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКОГО ОТНОШЕНИЯ
К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

Д. С. Лукин

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

В статье методами образного и мотивного анализа пьесы Леонида Андреева «Король, закон и свобода» рассматривается как художественное воплощение авторского отношения к Первой мировой войне.

Ключевые слова: *Леонид Андреев, безумие, война, образ, мотив.*

В годы Первой мировой войны, разделившей русское общество на два лагеря, Л. Н. Андреев примкнул к тем, кто выступал за ведение войны до победного конца. Пацифист по натуре, писатель признавал, что «война есть страшнейшее из зол и из всех необходимостей – самая печальная» [1, с. 8], но верил в реальность этой необходимости, считая, что Германия сознательно стремится «к порабощению всех других народов и рас» [Там же, с. 6].

Андреев активно включился в работу по обоснованию и пропаганде своих позиций, призывая русский народ к консолидации, мобилизации сил и борьбе против врага. Одну за другой в первые военные годы он публикует патетические статьи, в которых прославляет русских солдат, проклинает Германию и призывает союзные государства к неутомимой борьбе и жертвам во имя победы, которая, по мнению писателя, непременно будет на стороне России и союзников.

Художественные произведения Андреева на военную тему (рассказ «Ночной разговор», пьеса «Король, закон и свобода», повесть «Иго войны») в это время являются своего рода парафразом его статей и отличаются сильно звучащей в них публицистической нотой. Поэтому, вероятно, они были холодно встречены современниками Андреева и вызывают меньше интереса у исследователей его творчества, чем другие тексты писателя. Однако анализ этих произведений обнаруживает их тесную взаимосвязь со всем творчеством Андреева и даёт широкий материал для определения авторской концепции войны.

Пьеса «Король, закон и свобода» написана в 1914 году на основе реальных событий вторжения германских войск в Бельгию. Андреев вообще с большим сочувствием воспринимал все известия с военных полей и переживал за страны, становившиеся жертвами германского произвола (многие его публицистические выступления посвящены Бельгии и Сербии), и в своем творчестве провозглашал будущие торжество справедливости и восстановление порядка. Опубликованная в нескольких журналах и поставленная на сценах Александринского и Московского драматического театров, пьеса получила преимущественно негативные отзывы критики и обвинения в неудачной попытке совмещения фактов действительности с авторским вымыслом (см. подробнее: [2, с. 494]). Сам же Андреев «подчеркивал свое глубоко личностное отношение к теме» [Там же], разрабатываемой в пьесе.

В своих художественных произведениях о Первой мировой войне Андреев исследует проблему отношения личности к разворачивающимся событиям и степени участия человека в них. В пьесе «Король, закон и свобода» писатель ставит вопрос о роли и ответственности художника в критической ситуации, с которой сталкиваются его страна и народ. Главная сюжетная коллизия пьесы заключается в том, что к известному бельгийскому писателю Эмилю Грелье (толчком к созданию этого образа и постановке проблемы пьесы в целом послужил сильно впечатливший Андреева газетный миф об участии в военных действиях и ранении Мориса Метерлинка [4, с. 285]) за решающим советом приходит сам король со своими приближенными. Перед ними стоит важное и непростое решение – взорвать плотины, чтобы затопить часть страны и немецких захватчиков вместе с ней. Уже всё готово, чтобы осуществить задуманное, но последнее слово – за «совестью нации» Эмилем Грелье.

Очевидно, что Леонид Андреев преувеличивает значение писателя, а в его лице любого художника, ставя его если не выше, то в один ряд с сильными мира сего, но в этом своего рода мечта, идеал Андреева – чтобы художник был совестью народа. Важно еще и другое: Эмиль Грелье участвовал в сражении и был ранен: пролил кровь за родину, не остался в стороне от общей беды, когда в своем положении мог бы спокойно сбежать, спрятаться и переждать эти роковые дни или годы. В этом, в карикатурном изображении германской армии в пятой картине пьесы и в том, что герои, вынужденные оставить затапливаемый город, верят в возрождение измученной врагом Бельгии, – главный публицистический пафос андреевского произведения.

Помимо своей публицистической составляющей, во многом повторяющей лозунги и идеи газетных и журнальных статей Андреева, пьеса «Король, закон и свобода» интересна еще тем, что она насыщена сквозными и значимыми для творчества писателя образами и мотивами. Один из них – лейтмотив безумия, появившийся у Андреева уже на раннем этапе творчества и получивший в его литературной деятельности своеобразную галерею воплощений: от медицинского диагноза до онтологической характеристики жизни. В ярком антивоенном рассказе Андреева «Красный смех», написанном в годы Русско-японской войны, безумие тождественно войне, является её сутью. В рассматриваемой нами пьесе безумие не столько суть и причина войны, сколько одно из её разрушительных последствий. В Бельгии сожжены деревни, разрушены памятники архитектуры, убиты тысячи людей. Многие из еще живых не могут принять происходящих на их глазах ужасов и сходят с ума. «Теперь таких много» [3, т. 5, с. 408], – говорит один из героев о сумасшедшей девушке, неустанно и тщетно ищущей дорогу в родную деревню, сожженную немцами. Постепенно на протяжении всей пьесы сходит с ума и Жанна, супруга Эмиля Грелье, не в силах справиться со всё новыми и новыми потрясениями военного времени. С мотивом безумия в пьесе тесно связаны образ дома и мотив его утраты, рассматриваемые нами в другой статье [5].

Открывается «Король, закон и свобода» описанием цветущего сада и ухаживающего за розами садовника, и образ цветов становится одним из сквозных в пьесе. Герои часто проходят мимо цветочных клумб, украшают цветами комнаты дома, держат цветы в руках, вдыхая их аромат, с букетом цветов приходит к Эмилю Грелье король Бельгии, о саде и растущих в нем цветах в том числе тоскуют герои, покидая дом и город. Цветы становятся для них символом мира и способом отвлечься от тревожных и печальных мыслей о войне: «Когда поднесешь её к лицу так близко – и закроешь глаза – то кажется, что нет ничего, кроме красной розы и синего неба» [3, т. 5, с. 375]. Образ цветка – частый в творчестве Андреева, и нередко он связан с образами неба и земли.

«Цветок под ногою» – так называется рассказ Леонида Андреева 1911 года о шестилетнем мальчике Юре Пушкарёве, любящем землю «со всем ее неисчерпаемым богатством камней, травы, бархатистой горячей пыли и того изумительно разнообразного, таинственного и восхитительного сора, которого совершенно не замечают люди с высоты своего огромного роста» [3, т. 4, с. 22], и воспринимающем жизнь по-детски восторженно и просто. И именно он окажется цветком под ногами взрослых и их сложного непонятного мира на большом празднике, устроенном в честь дня рождения матери. Первый взрослый опыт разочарования, горечи и боли предстоит испытать мальчику, когда на торжестве он станет свидетелем измены матери отцу.

В следующий раз мы встретим уже выросшего героя, теперь Юрия Михайловича Пушкарёва, в рассказе «Полёт» 1913 года. Он по-прежнему любит жизнь и землю, но небо – «извечная цель всех стремлений, всех поисков и надежд» [Там же, с. 136], и полёты теперь составляют для него, опытного лётчика, офицера-пилота, уважаемого в обществе человека и счастливого семьянина, главный смысл и страсть жизни. Поэтому, отправившись в очередной полёт и решив, что он станет для него последним, Пушкарёв перестаёт смотреть на землю с её «зелеными лесами, знакомыми с детства, низкорослою травой и цветами <...> ненадежной земной любовью» [Там же, с. 145], и спокойно и даже радостно говорит себе: «Нет! На землю я больше не вернусь» [Там же, с. 148].

Война примиряет небо и землю, являясь надругательством над обоими. В «Красном смехе» измученная земля начинает выбрасывать из себя мертвые тела, переполнившись ими, а герои пьесы «Король, закон и свобода», смотря в пылающее небо, в котором, терзая его, летают военные самолеты, восклицают: «Что они сделали с небом!» [Там же, т. 5, с. 381], «Прежде, когда душа хотела покоя и радости, я смотрела в небо, а теперь некуда смотреть бедному человеку!» [Там же]. Цветок же, вырастающий из земли и тянущийся к небу, в военных произведениях Леонида Андреева становится символом незащитности и уязвимости, хрупкости мирной жизни, тоски и воспоминания о ней.

Когда, узнав о начале войны, герой повести «Иго войны» Илья Петрович Дементьев с семьей бежит с дачи, находящейся на потенциально опасной территории, он по пути срывает для дочери цветочек, а позже на страницах своего дневника признается, что стыдится этого такого естественного и простого в мирное время жеста: «Помню одно еще обстоятельство, самое постыдное: сорвал я около дороги какой-то голубенький цветочек, колокольчик, и дал его Лидочке, моей девочке, пошутил с нею <...> но что я думал про себя, когда шутил? Думал: “вот до чего я мало потерялся и вполне владею собой, не то что другие: даже цветочки еще рву, шучу, детей и жену ободряю”!» [Там же, т. 6, с. 8]. В «Красном смехе» герой получает письмо, написанное убитым на войне женихом сестры и адресованное уже умершему брату. Содержание письма эклектично, неровно, мрачно, но среди его отрывков встречаются такие строки: «Это ты показывал мне карточку какой-то девочки и говорил, что это невеста, и там было написано что-то печальное, такое печальное, такое грустное. И плакал ты. Это давно было, я смутно помню, на войне не до нежностей. И плакал ты. О чем ты плакал? Что было написано там такое печальное, такое грустное, как цветочек?» [Там же, т. 2, с. 89]. Измученный на войне человек вспоминает о жизни до неё, о чем-то нежном, прекрасном, совершенно чуждом войне, и символом всего этого для него становится цветок.

Сама война в пьесе «Король, закон и свобода» представлена как вселенский пожар («Зарево колыхается над землею, безмолвно дышит огнем» [Там же, т. 5, с. 381]), о котором герои узнают, услышав звон набатного колокола. Этот образ

перекочевал в пьесу из раннего рассказа Л.Н. Андреева «Набат», в котором писатель создал экспрессионистическую картину сельского пожара и помешательства людей от огня, дыма и жара. Колокол, сообщающий о беде, в этих произведениях, как вообще часто у Андреева, наделяется человеческими характеристиками (ср.: «Полный отчаяния, мятущийся звон колокола» [Там же, с. 365] и «В предсмертных муках задыхался колокол и кричал, как человек, который не ждет уже помощи и для которого уже нет надежды» [Там же, т. 1, с. , с. 350]; «Все мучительней и больше становились человеческие вопли покорного колокола» [Там же, с. 512]). Огонь выступает враждебной человеку стихией, в пьесе – стихией войны, победить которую герои решают противоположной ему стихией воды. Вода тоже несет разрушение и смерть, требует жертв, герои понимают это и готовы их принести во имя победы, мира и будущей жизни. Это художественное воплощение позиции, которой Андреев придерживался в годы Первой мировой войны: идти на жертвы, на смерть, вести войну до конца – ради победы над Германией, германизмом и самой войной.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. В сей грозный час // Андреев Л. Н. В сей грозный час. Пг.: Прометей, 1915. С. 5–15.
2. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1995. 511 с.
3. Андреев Л. Н. Собрание сочинений в 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012.
4. Кен Л. Н., Рогов Л. Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб.: Коста, 2010. 432 с.
5. Лукин Д. С. Образ дома в произведениях Леонида Андреева о войне // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 224–227.

THE PLAY OF L. ANDREEV “KOROL, ZAKON I SVOBODA” AS THE REPRESENTATION OF THE AUTHOR’S ATTITUDE TO THE FIRST WORLD WAR

D. S. Lukin

Tver State University
Department of History and Theory of Literature

The article provides figurative and motivic analysis of L. Andreev’s play “Korol, zakon i svoboda”. The play is viewed as an artistic embodiment of the author’s attitude to the First World War.

Keywords: *Leonid Andreev, madness, motive, war.*

Об авторе:

ЛУКИН Денис Сергеевич – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: lukin_denis@mail.ru.

About the author:

LUKIN Denis Sergeevich – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: lukin_denis@mail.ru.